

© Э. М. Думнова

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.07)

УДК 172 + 316.42

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И МЕНТАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ОБЪЕДИНЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Э. М. Думнова (Новосибирск, Россия)

В статье рассматривается проблема трансформации ментального пространства современной российской молодежи, в частности, одна из его основных тенденций – полиментальность, детерминирующая новые основания взаимодействия различных групп молодежи. Для современного российского общества в условиях его полиментальности проблема взаимодействия субъектов различных ментальностей является объективно существующей, и особенно затрагивает молодежь в силу специфики ее психосоциальных характеристик. В статье рассматриваются факторы, детерминирующие социально-философскую специфику взаимодействия субъектов различных ментальностей, а также взаимовлияния ментальностей и отдельных видов сознания.

Применительно к социогрупповой ментальности и, в частности, к групповому сознанию, идеология, включенность в процесс глобализации представляются как экзогенные факторы их формирования и трансформации. Молодежь выступает как эндогенный фактор формирования общественного сознания. Молодежная общность в силу своей дифференциации является носителем разнообразных групповых сознаний и ментальностей. В связи с этим в современном российском обществе существует множество молодежных субкультур и движений, в рамках которых формируется специфика ментальных особенностей их субъектов, и, вместе с тем, возникает проблема их взаимодействия, связанная с ростом уровня межгрупповой конфликтности. Степень интегрированности молодежи в общество как поколения обуславливает силу ее группового сознания как внутреннего фактора трансформации общественного сознания. Молодежная ментальность оказывает постепенное имплицитное воздействие на массовое сознание, следовательно, на внешний структурный уровень менталитета.

Автор статьи приходит к выводу о том, что специфика взаимодействия общественного сознания и ментальности социальных групп и объединений молодежи обусловлена типом социальной системы, политическими и историческими условиями ее существования. Групповое сознание и социогрупповые ментальности во всем их многообразии являются сильными внутренними факторами социокультурного развития современного российского общества.

Ключевые слова: *социально-философский анализ, ментальное пространство, ментальность молодежи, общественное сознание, групповое сознание, социальная субъектность, социальное взаимодействие, социальная идентичность.*

Думнова Эльнара Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия.

E-mail: dumnova79@yandex.ru

Мозаичность молодежной ментальности современного российского общества является следствием его демократизации в конце XX – начале XXI вв. При этом объективно существующей является проблема взаимодействия в условиях полиментальности различных социальных групп. Переход от тоталитарного к демократическому режиму не может сопровождаться столь же резкой сменой мировоззренческой системы, в силу дифференцированного восприятия социальных изменений разными поколениями и социальными слоями. При наложении специфики нового режима и прежних стереотипов, закрепленных в мышлении и поведении, проявилась угроза социальной напряженности по причине взаимной интолерантности между отдельными группами населения. Молодежь в этом случае является наиболее уязвимой социальной общностью в силу ее максимализма как возрастной особенности. Возникает проблема взаимодействия субъектов различных ментальностей, сформированных под влиянием разных культур. В таких условиях полиментальность препятствует гармоничному развитию социума. Суть проблемы состоит в низком уровне толерантности. Это обусловлено нехваткой опыта демократического развития и незавершенностью перехода от одной системы мировоззрения к другой – диаметрально противоположной. Проблема формирования ментальных структур молодежи отражена в работах ряда исследователей, в числе которых И. М. Ильинский, Е. Л. Левашова, С. И. Левикова, Вал. А. Луков, А. Н. Тесленко, Д. Г. Шкаев и др. [1–6].

Фактор времени играет решающую роль в процессе выхода общества на новый уровень понимания и оценки социокультурных явлений. Вместе с тем немаловажно отметить и обратную сторону восприятия иного культурного опыта, дисфункциональную по своей сути в силу того, что инокультурные образцы

поведения и отдельные социальные практики не всегда конструктивны. Восприятие деструктивных инокультурных социальных практик в условиях информационного открытого общества происходит беспрепятственно и приводит к ряду негативных последствий, нарушающих социальный порядок.

Не менее важным фактором дифференциации молодежи, является отсутствие единой идеологии в условиях политического плюрализма, это находит свое выражение в низком уровне ее солидарности и разобщенности. Идеология выполняет функцию связующего звена между научно-теоретическим и обыденно-практическим уровнями общественного сознания. Идеология как теоретический конструкт задает вектор формирования общественного сознания и возможность его проявления в конкретных формах, выступая интегрирующей основой для различных элементов социальной системы, в том числе социальных групп, несмотря на их ментальные отличия. Применительно к социогрупповой ментальности и, в частности, к групповому сознанию идеология представляется как экзогенный фактор их формирования и трансформации. Благодаря существованию единой государственной идеологии повышается степень социальной солидарности в обществе, поскольку задается общая цель системы, направленная на ее самосохранение и саморазвитие. Она коррелирует с групповыми и индивидуальными целями, которые аналогичны по своей сути, т. к. и группа, и индивид в свою очередь тоже являются системами только других уровней.

Анализируя проблему межгрупповой конфликтности, конкурентности, сторонники теории социальной идентичности подчеркивают, что надгрупповая цель может быть эффективной только в том случае, если она ко-

оперирует группы с сохранением их групповой идентичности [7]. Вместе с тем, представления каждой группы о других «чужих» группах уже закреплены в стереотипах, которым присуща высокая степень устойчивости. Ряд западных исследователей полагает, что в основе противостояния групп, имеющих разную ментальность, лежит принцип социоцентризма. В современных исследованиях предлагается трактовка социоцентризма как «свойства воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной социальной группы, выступающей в качестве некоего эталона, или оптимума» [8, с. 83–96]. Проявления социоцентристских интенций присутствуют как на микросоциальном, так и на макросоциальном уровнях. В первом случае принято применять термин «социоцентризм», отражающий межгрупповые отношения, субъектом которых могут быть группы, различающиеся по разным основаниям. Во втором случае можно применить термин «этноцентризм», отражающий отношения между более крупными социальными группами – этносами.

В ряде случаев эти термины употребляют как синонимичные, в связи с чем, допустимо привести характеристики этноцентризма, выделенные западными учеными М. Бруэром и Д. Кэмпбеллом, которые проецируются и на социоцентризм. М. Бруэр и Д. Кэмпбелл отмечают следующие основные черты этноцентризма: «восприятие элементов своей культуры как «естественных» и «правильных», а элементов других культур как «неестественных» и «неправильных» [9].

Исходя из этого, вполне обоснован их вывод о том, что снизить противостояние между разными группами возможно только посредством максимального устранения различий между ними [10, с. 513–516]. Предлага-

емый ими выход в виде превращения межгрупповых отношений во внутригрупповые, с помощью достижения надгрупповой идентичности подчеркивает значимость разных видов идентичностей (социальной, национальной, социопространственной). Кризис социальной идентичности (групповой) в результате нарастания уровня конфликтности между ее субъектами подлежит разрешению через усиление идентичности на более высоком уровне социальной организации – национальной. Реализация такой стратегии возможна в определенных условиях, одним из которых является наличие единой национальной идеи, поддерживающей ментальный иммунитет народа. При единой идеологии ментальные отличия отдельных социальных групп не достигают критического предела за счет регулирующей и интегрирующей функций идеологии. Полиментальность в таком случае не нарушает структурные связи и не представляет угрозы для относительно гармоничного и стабильного функционирования системы.

Роль идеологии отражена в ряде философских и социологических концепций. Представители структурного функционализма (Т. Парсонс, Г. Алмонд, Д. Истон, С. Липсет и др.) в качестве основных столпов, поддерживающих функционирование системы посредством удовлетворения ее требований, рассматривают равнозначные друг другу подсистемы: экономическую, политическую, правовых институтов, норм и обычаев, а также подсистему верований, морали и органов социализации. В зависимости от слаженности функционирования выделенных подсистем происходит определение вектора развития социальной системы. По мнению Т. Парсонса система может трансформироваться двумя путями: во-первых, посредством изменения равновесия, во-вторых, в результате изменения структуры

[11]. Степень обеспеченности системы идеологическими компонентами коррелирует с ее устойчивостью. Их ослабление или изъятие из системы приводит к снижению внутрисистемной регуляции и, как следствие, к утрате ее равновесия, либо реструктуризации. Современное российское общество испытывает недостаточность внутренней регуляции. В связи с этим по ряду причин, в числе которых мультикультурализм, полиментальность, поликонфессиональность и др. явления, представляющие мозаичность российского социокультурного пространства, наблюдается латентный рост уровня конфликтности и разного рода межгрупповых антагонизмов.

Процесс деидеологизации российского общества, начавшийся в 1990-х гг., привел к ослаблению его внутренней интеграции. Рассматривая проблему устойчивости социокультурных систем, П. А. Сорокин акцентировал внимание на степени интеграции их компонентов как важном источнике их самодетерминации и будущего развития. Не отрицая возможности флуктуации в социокультурных системах, П. А. Сорокин подчеркивает: «...когда причинная взаимозависимость компонентов и элементов системы достигает высшей степени, а их взаимоотношения носят максимально солидарный (у людей) и максимально согласующийся (между компонентами) характер...» [12, с. 745], в таком случае флуктуация позволяет сохранить систему. Эклектичность системных компонентов приводит к снижению уровня их солидарности и превращению латентных антагонизмов в явные, вследствие чего, при наложении дополнительного внешнего негативного вмешательства, происходит разрушение системы. Умеренные флуктуации в системе, даже при условии дифференциальности

ее компонентов, возможны только при наличии жестких внутренних регулятивов, функцию которых выполняют обычаи, социальные нормы, мораль, религия, идеология.

В современном российском обществе с формирующейся культурой индивидуализма все более прочно занимающей позиции, социальная идентичность выступает важной составляющей в жизни как отдельного индивида, так и группы. В основе этого витка в социальном развитии России лежат процессы, детерминированные политической ситуацией. По нашему мнению, социально-политический перелом 1990-х гг. был отягощен внутренним разрушением системы, выраженным в культурной деградации русского народа. Глубокое осмысление характеристик эпохи, предшествующей постмодерну, а также анализ черт последующей нашли отражение в работах Б. О. Майера и Д. В. Еврезова [13].

Информационно-психологическая война, объектом которой стали россияне, нанесла сильный удар по национальному самосознанию и, как следствие, привела к кризису национальной идентичности. Научное осмысление разрушения национальной идентичности привело к возникновению теории культурной травмы. Под культурной травмой понимается «насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам»¹. Начало информационно-психологической войны определить сложно, она имеет относительно латентный характер и проявляет себя в качестве определенных результатов. Конечная ее цель состоит в разрушении архетипического набора, который является базой формирования культурной идентичности. Использование ряда методов и

¹ **Русские.** Азбука русского национального самосознания. – М.: Поколение, 2008. – С. 180.

приемов манипулятивных технологий позволило подорвать духовно-ценностные основы российского общества, в чем и состоит самобытность народа.

Информационно-психологические войны максимально достигают цели, если их развязывают в период внутреннего кризиса, депрессии, возникновения социального вакуума в обществе. То есть вхождение социума в зону бифуркации и наложение внешнего агрессивного-информационного воздействия, приводит к деструктивному вектору флуктуаций, которые выражаются в углублении социальной фрустрации, отчуждении, ослаблении социальной солидарности и, как следствие, социального порядка. В результате стремление системы и ее подсистем к самосохранению приводит к «атомизации» общества. Эта тенденция проявляется в виде усиления роли индивидуального и группового сознания и переходом к новой ценностной шкале. Таков механизм переноса центра тяжести с национальной идентичности на социальную.

Особый колорит имеет «атомизация» в среде молодежи. Перелом в историческом развитии России стал импульсом к возникновению ряда неформальных молодежных группировок. В этот период происходит нивелирование духовных ценностей, в том числе и ценности образования. В силу низкого порога критичности восприятия информации и открытости молодежного сознания, часть молодежи оказалась в состоянии фрустрации. Оно было вызвано проблемами построения жизненной стратегии и выбора конкретной социальной траектории. На этом неблагоприятном социальном фоне у молодежи возникает проблема самореализации. В результате, в сложившихся условиях под влиянием вестернизации в 1990-х гг. активными темпами происходит формирование неформальных молодежных организаций, групп и движений.

Молодежные субкультуры возникают в рамках доминирующей культуры, в этой связи они не являются изолированными. Конкуренция между молодежными субкультурами приводит к подавлению слабых и их исчезновению. В результате остаются субкультуры, которые, функционируя в рамках доминирующей культуры, способны привести ее к состоянию динамической неустойчивости. Взаимодействие доминирующей и субкультур предполагает также взаимовлияние менталитета их субъектов. Процесс внутрисистемного взаимодействия культур приводит к их усложнению. В первую очередь это касается господствующей культуры, имеющиеся структурные элементы которой содержательно обновляются, а также происходит воспроизводство новых. Мы разделяем точку зрения М. М. Белоусовой о том, что доминирующая культура и молодежные субкультуры соотносятся как «материнская» и «дочерние», что предполагает их изначальную взаимную открытость и взаимозависимость [15, с. 219].

Взаимовлияние общественного и группового сознания осуществляется в форме взаимодействия разноуровневых культур. Формирование общественного сознания происходит не только под влиянием макросоциальных факторов, наиболее важными из которых являются идеология и религия. Общественное сознание испытывает влияние со стороны микросоциального уровня, выраженное в функционировании группового сознания. Стихийное или целенаправленное образование молодежных объединений приводит к воплощению в жизнь новых идей, ценностей, символов. Субкультуры и контркультуры выступают формами социального конструирования действительности. Их отдельные элементы потенциально могут внедряться в сознание более широких социальных групп и

слоев, а также в массовое сознание при наличии благоприятных условий. К их числу относятся соответствующие потребности и интересы, имеющиеся в обществе. Тогда новые социальные конструкты будут позиционироваться как «ответ» на «вызов».

Единые социальные условия, несмотря на специфику индивидуальных ментальных структур, детерминирующих их восприятие, способствуют выработке сходных потребностей. В связи с этим дифференциация молодежи сопровождается ее интеграцией, обусловленной единым периодом социального времени и пространством, в рамках которых происходит ее социальное становление. Поэтому ряд современных исследователей использует термин молодежная культура, включающий все разнообразие молодежных объединений, субкультур и контркультур и объединяющий их на основе общих элементов и характеристик.

Молодежная культура и ментальность является источником нового. Переход молодежи в последующую демографическую категорию, сопровождающийся стабилизацией социального статуса и закреплением определенных прав, способствует интеграции ее системы ценностей в надгрупповую систему социальных ценностей, а также распространение ее знаково-символической системы на уровень доминирующей культуры. Меняя посредством обновления отдельные компоненты общественного сознания (ценности, стереотипы), молодежная ментальность оказывает постепенное имплицитное воздействие на массовое сознание, следовательно, на психосоциальный уровень менталитета, что находит свое выражение в трансформации социальных и поведенческих стереотипов и, в целом, социальной субъектности [16].

Социальные стереотипы являются ярким индикатором изменений, происходящих в

групповом и общественном сознании и частично объективируются в поведенческих стереотипах. Их изменение приходится на периоды глубоких социальных преобразований, кризисов, депрессий. Источником трансформации стереотипов является изменение привычных условий жизни и, как следствие, социального самочувствия людей. Изменение социальных стереотипов непосредственно связано с более глубокими процессами формирования новых ментальных конструктов в обществе. Это видимый результат трансформации системы индивидуальных групповых и социальных ценностей, лежащих в основе индивидуальных и социогрупповых ментальностей. Разрушение групповых стереотипов связано с трансформацией межгрупповых связей и ментальности групп.

Социальные стереотипы, формируемые в среде молодежи, постепенно вытесняют общепринятые и занимают их ниши со сменой поколений. Степень интегрированности молодежи как поколения обуславливает силу их группового сознания как внутреннего фактора трансформации общественного сознания. А высокая социальная активность части молодого поколения, стремление к генерации идей и внедрению инноваций обеспечивают преобразующий потенциал группового сознания, направленный на изменение ценностей, установок и стереотипов, существующих в общественном сознании.

Предлагаемый механизм взаимодействия группового и общественного сознания относителен, и степень его реализации зависит от специфики конкретного общества. В закрытых социальных системах, в которых действуют авторитарные/тоталитарные режимы, менее подвижен психосоциальный уровень менталитета, соотносящийся с общественным сознанием, чем в открытых демократических обществах. Данная закономерность следует из

того, что в закрытых обществах общественное сознание формируется «сверху», т. е. под влиянием идеологического фактора. В условиях отсутствия социальных свобод групповое сознание более имплицитно, вместе с тем, видовая структура ментальности в социуме сохраняется. Экспликация группового сознания и ментальности молодежи в закрытых обществах бывает в виде резонансных событий и явлений, выходящих за рамки сложившегося уклада. Зачастую такие проявления имеют революционный характер.

В открытых обществах процесс трансформации менталитета и ментальности носит эволюционный характер. Под влиянием внутренних изменений и включенности в процесс взаимодействия с другими обществами и

культурами в открытых социальных системах накапливаются количественные изменения, приводящие к качественным. При этом система сохраняет динамическое равновесие.

Таким образом, специфика взаимодействия общественного сознания и ментальности социальных групп и объединений молодежи обусловлена типом социальной системы, политическими и историческими условиями ее существования. В связи с глубокой социальной дифференциацией, присущей современному российскому обществу, групповое сознание и социогрупповые ментальности во всем их многообразии являются мощным внутренним фактором социокультурного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ильинский И. М.** Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. – М.: Голос, 1999. – 323 с.
2. **Левашова Е. Л.** Типологизация молодежных субкультур в современном российском обществе // Известия государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – Вып. 150. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-molodezhnyh-subkultur-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve#ixzz2mCxRT9hy> (дата обращения: 19.07.14)
3. **Левикова С. И.** Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 608 с.
4. **Луков Вал. А.** Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
5. **Тесленко А. Н.** Культурные модели социализации и жизненные стратегии казахстанской молодежи // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 119.
6. **Шкаев Д. Г.** Менталитет молодежи в постсоветский период: Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. философии. – М., 2009. – 56 с.– (Сер.: Проблемы философии).
7. **Янгирова С. М.** Социальные стереотипы как механизмы процесса идентификации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. – № 2. – Ч. 2.– С. 211. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/51.html> (дата обращения: 19.07.14)
8. **Московичи С.** От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 83–96.
9. **Brewer M., Campbell D. T.** Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. N.Y.: Sage, 1976.

10. **Хашенко В. А.** Социально-психологические детерминанты экономической идентичности личности // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – Т. 2 / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. – С. 513–556.
11. **Парсонс Т.** Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 266 с.
12. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. – СПб: Изд-во Рус. Христианск. Гуманит. Института, 2000. 1054 с.– С. 745.
13. **Майер Б. О., Еврезов Д. В.** Изменения в системе современного общества и реформы высшего образования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета – 2012. – № 6. – С. 37–43.
14. **Белоусова М. М.** Молодежная культура в современном обществе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – Т. 9. – № 2 (40).– С. 219. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-kultura-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 19.07.14)
15. **Думнова Э. М.** Менталитет и ментальность в социокультурном пространстве бытия российской молодежи: монография / Новосиб. гос. архит.-худ. акад.– Новосибирск, 2013. – 292 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.14)

Dumnova Elnara Mikhailovna, Candidate of Philosophy Sciences (equiv. PhD), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: dumnova79@yandex.ru

INTERCONDITIONALITY OF SOCIAL CONSCIOUSNESS AND MENTALITY OF YOUTH SOCIAL GROUPS AND UNIONS

Abstract

The article considers the problem of the Russian youth mental space transformation, including one of its main tendencies – polymentality, determining the new bases for interaction between different youth groups. For the contemporary Russian society characterized by its polimentality the problem of interaction of bearers of different mentalities exists objectively and affects the youth especially, due to specificity of their psycho-social characteristics. The article considers factors, determining specificity of interaction between bearers of different mentalities and mutual impact of mentalities and individual mentality types.

With respect to socio-group mentality and, in particular, to group consciousness, ideology and inclusion in the process of globalization are exogenous factors of their forming and transformation. The youth is an endogenous factor of forming social consciousness. Due to its differentiation, the youth as a whole is a bearer of various group consciousness's and mentalities. In this connection, in contemporary Russian society there are many youth subcultures and movements. Within their framework specificity of mental peculiarities of their bearers gets exposed and, at the same time, the problem of their interaction, related to increase in inter-group potential conflicts rate, arises. The degree of youth (as a generation) integration into society determines the strength of their group consciousness as an internal factor of social consciousness transformation. Youth mentality gradually and implicitly affects mass consciousness and, consequently, the external structural level of mentality.

Thus, the type of social system and its political and historical circumstances determines specificity of interaction between social consciousness and mentality of youth social groups and unions. Group consciousness and socio-group mentalities in all their diversity constitute a strong internal development factor of the contemporary Russian society.

Keywords

socio-philosophical analysis, mental spice, youth mentality, social consciousness, group consciousness, social agency, social interactions, social identity

REFERENCES

1. Ilyinskii I. M. The youth in the context of global processes of the world community development. *The Youth and Society at the Turn of the Century*. Moscow, Golos Publ., 1999, 323 p. (In Russian)
2. Levashova E. L. Youth subcultures typology in the contemporary Russian society. *Proceedings of A. I. Gerzen State Pedagogical University*. 2012, Issue 150. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-molodezhnyh-subkultur-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve#ixzz2mCxRT9hy> (accessed: 19.07.14). (In Russian)

3. Levikova S. I. *The Youth Subculture*. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2004, 608 p. (In Russian)
4. Lukov Val. A. *Youth Theories: Interdisciplinary Analysis*. A Scholarly Monograph. Moscow, "Canon+ Publishers", ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2012. (In Russian)
5. Teslenko A. N. Cultural models of socialization and Kazakh youth life strategies. *Sociological studies*. 2012, no. 8, p. 119. (In Russian)
6. Shkaev D. G. *Youth Mentality in the Soviet Period: Analytical Survey*. RAN INION. Center for Scholarly and Information Studies in Humanities, Philosophy Division. Moscow, 2009, 56 p. (Problems of Philosophy Series). (In Russian)
7. Yangirova S. M. Social stereotypes as identification process mechanisms. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism*. Theory and Practice. Tambov, Gramota Publ., 2011, no. 2. part. 2, p. 211. Available at: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/51.html> (accessed: 19.07.14). (In Russian)
8. Moscovici S. *From Collective to Social Representations*. Issues of sociology, 1992, vol. 1, no. 2, pp. 83–96. (In Russian)
9. Brewer M., Campbell D. T. *Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence*. N.Y., Sage, 1976.
10. Khaschenko V. A. Socio-psychological determinants of the personal economic identity. *Problems of economic sociology*. Ed. A. L. Zhuravlev, A. B. Kupreichenko. Moscow, IP RAN Publ., 2005, Vol. 2, pp. 513–556. (In Russian)
11. Parsons T. *The System of Modern Societies*. Transl. from English by L. A. Sedov and A. D. Kovalyov. Ed. M. S. Kovaleva. Moscow, Aspect Press Publ., 1998, 266 p. (In Russian)
12. Sorokin P. A. *Social and cultural dynamics: a study of change in major systems of art, truth, ethics, law and social relationships*. Transl. from English by V. V. Sapov. Saint Petersburg, Russian Christian Institute of Humanities Publ., 2000, 1054 p., p. 745. (In Russian)
13. Mayer B. O., Evrezov D. V. Changes in contemporary societal system and higher education reforms. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012, no. 6, p. 37–43. (In Russian)
14. Belousova M. M. The youth culture in contemporary society. *Scientific records of the Belgorod state university*. Philosophy, sociology, law series. 2007, vol. 9, no. 2 (40), p. 219. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-kultura-v-sovremennom-obschestve> (accessed: 19.07.14). (In Russian)
15. Dumnova E. M. *Mentality and mindset in social and cultural space of the Russian youth being*. Monograph. Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts Publ., Novosibirsk, 2013, 292 p. (In Russian)